

Интервью с Кощеем

Ирина Афанасьева

ФАНТАСТИКА

«Уважаемые господа! Мне надоело читать о себе гнусные сплетни, распускаемые последнюю тысячу лет в СМИ и литературе. Я не люблю, когда меня выставляют таким российским Казановой, что совершенно не соответствует действительности. Если вашей редакции интересно получить мое эксклюзивное интервью, прошу командировать вашего представителя в мою резиденцию сроком на два дня. Все расходы за счет приглашающей стороны. Мой представитель будет ждать вашего корреспондента 14 октября 2005 года в 7.00 у памятника А.С.Пушкину перед кинотеатром «Россия».

С уважением,
Кощей Бессмертный».

Надо отдать должное нашему редактору, сохранявшему невозмутимость в любых ситуациях. Он протянул мне письмо как нечто само собой разумеющееся и спокойно ждал, пока ваша покорная слуга закончит чтение.

— Командировочные возьми у Зины.

Я еще раз пробежала глазами ровные строчки письма и удивленно посмотрела на шефа, который никогда не был склонен к авантюрам.

— Слава, это же розыгрыш!

— Ты сама говорила, что в вашем роду есть ведьмы. Почему бы тогда не быть и Кощей?

— Я пошутила!

— Между прочим, Логанихин из редакции «Пух и перья» помер, после того как ты пожелала ему стать цыпленком табака. Сгорел в машине, со всего маха влетев в забор птицефабрики.

— Это случайное совпадение. — Мне стало совсем не до смеха.

— Расскажи об этом его родственникам. — Вячеслав впервые за время разговора оторвался от разбросанных по столу листков бумаги и с видом матери-кобры устоял на вырез моей кофточки. — Или ты завтра с утра торчишь у памятника, или в порядке моральной компенсации перейдешь работать на освободившуюся вакансию в «Пух и перья».

— А если это какой-нибудь маньяк? Завезет меня в лес и...

— Так ему и надо. После общения с тобой любой маньяк импотентом станет. Ладно, Гаевская, иди отсюда, мне номер сдавать надо.

Хлопнув дверью, я вылетела в коридор с единственным желанием тут же написать заявление об уходе. Да пошли они все! Я еще не выжила из ума, чтобы принимать участие в этом цирке или писать о зависимости яйценоскости цесарок от уровня шума в помещении! Не будет меня — кто в следующий раз поедет с его любимыми экстремалами кормить комаров в тундре, Пушкин, что ли?

Утро выдалось под статью моему настроению: таким же серым и пасмурным. Я как полная идиотка торчала у памятника, всматриваясь во всех проходивших мимо мужиков, которые отвечали такими же мрачными взглядами. Обычная московская рань. Ладно, поторчу здесь до половины восьмого, а потом пойду в «Макдоналдс». Позавтракаю — и в офис бить морду шефу. Теперь вся редакция будет надо мной изгаляться до конца года. Сережка-дизайнер уже небось какую-нибудь картинку наваял. Он только с версткой вечно опаздывает, а как кого-нибудь высмеять — впереди паровоза. Кукрыникс чертов!

— Простите, вы из редакции... — И назвал наше издание.

Голос чуть с хрипотцой. Высокий мужчина лет сорока пяти — пятидесяти, седая прядь в волосах странного серого цвета, холодные зеленые глаза. Наверно, бывший спортсмен или военный — уж больно хорошая фигура для его возраста. У среднероссийского мужика к этому времени отрастает пивной живот, а этот подтянут и, похоже, не числится членом Общества любителей рукоделия.

Стараясь выглядеть не менее крутой, окидываю его оценивающим взглядом с головы до ног, после чего киваю головой. Он — само равнодушие.

— Меня послали за вами. Пойдемте к машине.

Потянулся взять у меня сумку, но я быстро отвела руку за спину. Было такое ощущение, что вместе с багажом он заберет и мою свободу, а я не очень-то доверяла этому типу. Хоть бы представился, что ли!

Мой Спортсмен, как я его прозвала, равнодушно пожал плечами и мягкой походкой пошел впереди, показывая дорогу. Во всех его движениях сквозила какая-то животная пластика, как будто он в любой момент был готов броситься бежать или вцепиться в горло. Второе, пожалуй, вернее, потому что сонно шествующий за молодящейся дамой миттельшнауцер при виде моего спутника вдруг ожил и с истошным визгом спрятался за хозяйку. Ничего, если буду жива, Славочка от меня гонораром не отделается! Сам в тундру поедет, а я — делать репортажи в Куршевель. Если буду жива...

Мы подошли к серебристо-серому «опелю». Мой спутник галантно распахнул дверь, помог сесть в машину, а потом, заняв свое место, плавно взял с места.

За всю дорогу мы не обмолвились и десятью словами. Вернее, я произнесла их, наверно, с тысячу, но Спортсмен отвечал на них молчанием или односложным «да — нет». Особенно кисло стало, когда «опель», вырвавшись из города, понесся по Ленинградскому шоссе все дальше от Москвы. На сотом километре я попыталась заставить его развернуться и отвезти меня домой, но ни тут-то было! Он даже не прореагировал на мои крики и угрозы выпрыгнуть на дорогу или убить его на месте. Оставалось только подчиниться обстоятельствам и ждать, чем кончится эта афера. Я приготовилась дорого продать свою жизнь,

не замечая, как осень заметает наш путь золотом листьев, а в небе плывут облака, торопясь вместе с нами на север.

Шоссе, щебенка, проселок, потом почти не ездимая лесная дорога. Наконец, когда солнце уже клонилось к закату, мы подъехали к дому старинной постройки, прижавшемуся к холму. Казалось, что они срослись друг с другом, создавая ощущение входа в подземное царство.

Интересно, я сейчас действительно увижу ожившую сказку или меня сделают сексуальной рабыней и отправят на Ближний Восток в гарем какого-нибудь эмира?

«Опель» плавно остановился у широкой лестницы, ведущей в дом. Безмолвный Спортсмен помог мне выйти из машины и, сделав приглашающий жест, проводил в гостиную, расположенную на первом этаже.

Я огляделась. Комната обставлена старинной мебелью ручной работы, стоившей, наверно, сумасшедших денег. Слева горел камин, освещающий бликами наводненный паркет. Только сейчас я заметила, что в доме нет электричества, а мягкий рассеянный свет давали несколько расставленных по комнате канделябров со свечами. В углу возвышалось чучело такого огромного кабана, что я почувствовала даже некоторую робость и, нерешительно подойдя, чуть тронула рукой жесткую шерсть.

— Нравится?

Неожиданно раздавшийся позади баритон заставил меня отдернуть руку, как нашкодившей девчонке, застигнутой на месте преступления. И что у них за идиотская манера подкрадываться сзади! Уже готовая высказать все, что думаю о дешевом розыгрыше, я развернулась и увидела нечеловеческой красоты мужчину, стоявшего посреди комнаты. Боже мой! У меня подкосились ноги, и внизу живота разлился предательский жар. Да за таким красавцем любая пойдет на край света, заикаясь от любви!

Он подошел ко мне и протянул руку:

— Будем знакомы, Кощей Бессмертный. Но предпочитаю, чтобы меня звали Лютовер.

— Алиса Гаевская.

Мягкий свет его глаз бархатом скользнул по лицу.

— Мне очень приятно, что именно вы откликнулись на мое приглашение.

— То есть?

— Честно говоря, хотелось познакомиться с интеллигентной ведьмой из хорошей семьи. Ну и реабилитировать себя перед общественностью, конечно.

Вероятно, мои глаза все больше напоминали обеденные тарелки.

— Как вы...

— Как я узнал, что приедете именно вы? Но я же все-таки языческий бог. По статусу положено, как теперь принято говорить. Или вы спрашиваете, откуда я узнал, что вы ведьма?

Я только и смогла кивнуть, глядя на него как зачарованный кролик. Он чуть улыбнулся и сделал широкий жест рукой, будто очерчивая мое лицо.

— Ну посмотрите сами: рыжие волосы, зеленые глаза, легкое косоглазие. Все три признака налицо... Надеюсь, ваше путешествие было приятным. Серый — отличный парень, и я был уверен, что он доведет вас в целости и сохранности... Вы разделите со мной ужин? У нас сегодня жаркое из дичи, брусничный пирог. И что вы предпочитаете выпить? Вино, медовуху, водку? Вы курите?

Он протянул мне изящную деревянную коробочку с тонкими темно-коричневыми сигаретами, пахнущими ванилью. Вообще-то я не курю, но тут безропотно взяла одну. Поднесла сигарету к губам и выжидательно посмотрела на кавалера, у которого не было в руках ничего похожего на зажигалку. Он чуть улыбнулся и щелкнул пальцами, между которыми прямо в воздухе появился язычок огня. Я прикурила, судорожно затянулась. Это несколько прочистило мозги и вернуло чувство собственного достоинства. Меня даже разобрала легкая злость: еще никто никогда не смел так ломать мою волю. Подумаешь, Кощей Бессмертный! А я Терминатор! Что я, красивых мужиков не видела, что ли?

Видимо, Лютовер (буду звать его так, если хочет!) прочел мои мысли, потому что ухмыльнулся и, сбавив обаяние до умеренного, повел меня ужинать.

За столом прислуживал Спортсмен, которого хозяин дома называл Серым. Похоже, кроме них, здесь ничего не было, если не считать большущего черного ворона, сидевшего на спинке стула в дальнем углу комнаты. Мда, антураж располагает к вере во всякую нечисть! Впрочем, меня так просто в чертовщине не убедишь.

Ужин был прекрасным. За десертом я поймала себя на мысли, что Слава может валить в свой Куршевель. Я его прощаю как женщина и как журналист. С таким интересным, сидевшим напротив человеком (или кто он там?) мне уже давно не приходилось общаться.

После кофе мы вернулись в уютную гостиную. Комфортно устроившись в глубоком кресле напротив Лютовера, я достала диктофон, и работа понеслась.

— Значит, о моей личной жизни расспрашивать будете? — Его бездонные черные глаза чуть задержались на моем декольте. — Извольте, сударыня, жду ваших вопросов.

— Ну, начнем с того, что на вашей репутации сотни возвращенных женщин, которых вы крали по поводу и без.

— Это где это вы такую ерунду вычитали?

— В «Мифологическом словаре»! — Во мне проснулся профессиональный азарт. — Там написано, цитирую: «В русских волшебных сказках К.Б. уносит героиню на край света в свое жилище. Та выпытывает у него, где скрыта Кашеева смерть, передает тайну герою-избавителю, который добывает смерть К.Б., и Кощей погибает».

— Чуть! Полная чуть! Я для того и позвал вас сюда, чтобы иметь возможность раз и навсегда объяснить всем, что мне не нужны ни Василисы, ни Марьи, ни кто-то там еще. Ну ладно одна, десять... сто, в конце концов! Но, поймите правильно, после тысячной дамы даже полный дебил начинает понимать, что все кошки ночью серы и качество отнюдь не следует из количества. То есть я хочу сказать, что на каком-то этапе понял, что дамский пол мне надоел, и с тех пор живу тихо и замкнуто в этом доме.

— Но ведь вы сами признаете, что женщины были, и не в единичном количестве.

— Да, были. Но они приходили ко мне сами, совершенно добровольно! Если бы Серый мог сейчас зайти в эту комнату, он бы обязательно это подтвердил.

— А что с ним?

— Да ничего особенного. Серый — оборотень, который с заходом солнца превращается в огромного волка. Это я так, на всякий случай предупреждаю.

Мои волосы, затушеванные в хвост, кажется, попытались встать дыбом. Слово в подтверждение слов Лютовера,

раздалось царапанье когтей по дубовым дверным створкам, а затем из прихожей я услышала тоскливый вой. Не хватало только, чтобы меня загрыз волк! Ну, Славочка, ты не только в Куршевель не поедешь, ты будешь у меня зайцем по болотам скакать! А я уж, как сказала, постараюсь дорого продать свою жизнь, пусть ее и немного осталось!

Я тут поймала заинтересованный взгляд Лютовера. Он с легкой усмешкой наблюдал за моей реакцией. Вот сволочь! У меня от злости пропал всякий страх. Пригубив вино из стоявшего на столе бокала, я ласково улыбнулась хозяину дома.

— Может быть, тогда вы откроете ему дверь? Нельзя же мучить животное.

— А вы не боитесь? Он наверняка бросится на вас.

— Не пугайте меня, уважаемый хозяин! Вы не позволите ему этого сделать, потому что другого журналиста мой шеф к вам не пришлет. Нас у него не так много.

— Но я могу обратиться в другую редакцию.

— Вряд ли. Вы же хотели познакомиться с интересной ведьмой. Не спорю, среди нашей братии ведьм предостаточно, но натуральных рыжих я пока не встречала.

— А вы смелая женщина!

Он легко поднялся и, быстро подойдя к двери, распахнул ее настежь. В темном проеме мелькнул силуэт гигантского волка, и зверь одним прыжком оказался посреди комнаты. Его шерсть на загривке встала дыбом, нос вздернулся вверх, отчего обнажились огромные желтые клыки в розовом обрамлении десен. Он был страшен, могуч и...

— Какой же ты красавец! — выдохнула я восхищенно. — Никогда не видела столь совершенного зверя!

Черные глаза волка, в которых метались красные отблески огня, утратили выражение злобы, шерсть улеглась. Облизнувшись, он по-собачьи уселся и теперь удивленно разглядывал меня.

Я покосилась на его хозяина, который стоял, слегка оперевшись о дверной косяк. Его лицо было задумчиво. Казалось, он решал какую-то сложную задачу и не находил ответа. Поймав мой взгляд, Лютовер тряхнул длинными черными волосами и, подойдя к столу, поднял бокал:

— Я предлагаю тост за потрясающую гостью, память о которой останется здесь навечно. Еще ни одна женщина не вела себя так мужественно при виде Серого. Вы или отчаянно смелый человек, или, извините, сумасшедшая баба. Второй вариант отпадает сразу, но я не могу поверить, что вы совсем не испугались. Восхищаюсь вашим мужеством, сударыня! Вы — редкий бриллиант, прекрасная, как пламя, и умная, как ночь.

Я чуть было не поверила этому мягкому баритону, но, вовремя вспомнив, с кем имею дело, отогнала морок и довольно равнодушным голосом предложила вернуться к интервью.

— Мы остановились на том, что вы никого не принуждали сюда прийти. Видимо, пленницы оказывались здесь... э, по щучьему велению?

Он укоризненно покачал головой, разглядывая меня поверх бокала с вином.

— Не надо иронизировать. Я их не похищал по той простой причине, что красавицы сами приходили ко мне.

— Ну да, разумеется! А потом не хотели уходить, да?

— Ну вот, наконец-то вы поняли меня, хотя и не желаете в этом признаться! Давайте возьмем самый шумевший случай — с Василисой Прекрасной. Что видела эта женщина в своей жизни, кроме деревенской избы, пропахшего потом и

ФАНТАСТИКА

навозом мужа Ивана, чугунков, прялки и кучи детей? Ничего! А я ей подарил весь мир. Рассказал не только о том, что делается в ближайшем кабаке, но и за семью морями. И потом, моя внешность ей очень понравилась.

— Кстати, о внешности. А почему же в сказках говорится о том, что вы похожи на скелет, на страшного злобного старца, ну и все такое прочее?

— Так вы слышали эту историю в пересказах Ивана да Василисы. Неужели вы думаете, что уязвленный муж будет хорошо отзываться о своем сопернике? Или прощенная жена будет оспаривать мнение мужа о бывшем любовнике?

— Нет, но...

— Впрочем, я могу изменить свою внешность, если вы этого хотите.

Он чуть склонился вперед, контур его тела и лицо расфокусировались, и через мгновение передо мной развалился в кресле... мой редактор Вячеслав! Вот тут я понастоящему испугалась! Но затем сидевший передо мной мужчина снова слегка «поплыл», превратился в волка и опять в Лютовера. (Представьте себе волка, который сидит напротив вас в кресле, изящно скрестив задние лапы!) Я нервно захохотала, чем, по-моему, несколько обидела хозяина дома. Во всяком случае, он перестал улыбаться, и сразу ярко горевший в камине огонь прижался к поленьям, а разлегшийся у кресла Серый тихо отполз под стол.

Да, нехорошо получилось. Вот сейчас он превратит меня в березовое полено — и прости-прощай интервью на разворот!

Но Лютовер, похоже, пока не хотел от меня избавляться. Он продолжил как ни в чем не бывало:

— Итак, Василиса по собственному желанию переступила порог этого дома, и некоторое время мы с ней были счастливы. Но потом стали проявляться различия в воспитании и менталитете. Эта женщина попыталась устанавливать здесь свои порядки, после чего я решил с ней расстаться. Но нельзя же просто взять и выгнать на улицу! Нравы в те далекие времена были не чета нынешним. В деревне ее быстренько закопали бы живьем в землю.

В общем, — продолжил он, — как честному... э, человеку, мне пришлось придумать целый план по возвращению загулявшей женщины в лоно семьи. Для начала Серый просидел полдня в кабаке с Иваном и как бы случайно проболтался ему, где находится его благоверная. Тот спяну пообещал со мной разобраться. И когда голубчик на следующий день очухался, то деться ему было уже некуда, поскольку полдеревни слышало его похвальбу и клятву вернуть Василису домой. Чтобы этот деревенский увалень по дороге не заблудился, я подослал к нему Бабу Ягу с волшебным клубочком, который должен был привести прямо сюда. В конце концов, месяца через два он действительно появился у порога этого дома, хотя сейчас на машине до его де-

ревни ехать около часа. Дальше — больше. Этот трус прекрасно понимал, что против меня у него нет никаких шансов, поэтому засел в кустах и стал дожидаться, когда мне придется отбыть по делам. Ну, я его помуржил пару дней, а потом отправился к Яге попить чайку. Раньше она у меня здесь на Валдае жила, это уже потом от людей подальше перебралась за Волгу... Кстати, что же вы не пьете? Очень хорошее коллекционное вино. Недавно здесь новые русские пытались поохотиться, но Серый такого страху на них нагнал, что они бросили все, кроме джипа, на котором и дали деру. Вино из их запаса. Мне очень нравится. Рекомендую.

При упоминании о новых русских Серый поднял лобастую голову и оскалится, изображая улыбку. Розовый язык вывалился у него из пасти и облизал губы с таким удовольствием, что я засомневалась, все ли охотники успели запрыгнуть в джип или, не дай Бог, кто-то не добежал до спасительной дверцы. В ответ на незадаанный вопрос волк чуть вильнул хвостом и, перекатившись на спину, довольно поелозил по ковру.

Словно опять прочитав мои мысли, Лютовер криво ухмыльнулся:

— Не знаю, как-то забыл спросить. Впрочем, нечего им тут делать. Это мои земли, и я сделаю все возможное, чтобы отвадить всяких мерзавцев болтаться по моим охотничьим угодьям... Итак, я отправился к Яге, а Иван тут же шмыгнул в дом к Василисе. Та при виде мужа пришла в ужас (я забыл ее предупредить о его приходе), но вовремя опомнилась и наврала с три короба, что, дескать, испугалась за его жизнь. Тот все принял за чистую монету, поскольку сам трясся от страха как заяц, и приказал ей подластиться ко мне и узнать, где смерть Кощеева. Трус паршивый, тьфу! Но Василисе ничего не оставалось, как согласиться. Тут и я подошел. Ну и паника началась! Эта парочка заметалась по дому, а потом Васька запихала мужа под мою кровать. Это было что-то! Мы занимались любовью у него над головой, а он даже ни разу не пискнул за всю ночь!

Так, дальше. Василиса, конечно, стала ко мне подкатываться с разговорами о смерти. Я для виду немного поломался, изображая страшную тайну, а потом доверительно рассказал байку про то, что на море-окияне, на острове Буяне стоит дуб... ну, и весь остальной бред, который уже сотни раз рассказывал доверчивым дурочкам. За разговорами наступило утро, и я отправился по делам. Вы бы видели этого типа, когда он вылез на свет Божий! Для начала он немного поколотил Ваську, но она здраво возразила, сказав, что он сам велел ей подластиться ко мне. Короче, крыть ему было нечем и пришлось отправляться в путь-дорогу за моей смертью. Тут снова Серый взялся за дело, только уже вместе с Вороном. Они этого Ивана еле довели до места. Кстати, как вы понимаете, остров находится совсем не на море-океане, а на соседнем Валдае, потому что, если бы я его на ближайшее море отправил, то Васька померла бы от старости раньше, чем он вернулся обратно. В общем, привели они его к озеру. Тут и я подсуетился, шукой прикинувшись. Да, еще Топтыгина за четыре ведра малины уговорил поработать: якобы случайно подвернулся по дороге, а потом, по просьбе Ивана, дуб свалить. Если подсчитать, то возвращением Василисы в семью занималась половина леса... Дальше все развивалось в соответствии со сказочным сюжетом: Топтыгин свалил дуб, Серый пробежался за зайцем, Ворон скогтил утку, а я принес ему яйцо с иглой, которое тот уронил в воду.

Лютовер замолчал, вглядываясь в темное окно. Судя по улыбке, блуждавшей по красиво очерченным губам, он очень живо вспомнил всю эту эпопею. На его лице появилось выражение мальчишеского азарта, и мне почему-то стало до боли обидно, что я сама не участвовала в спасении Василисы. Похоже, этим типам здесь живется совсем не скучно.

— И что дальше?

— А дальше Иван опять появился вон на той полянке и, грязно ругаясь, стал вызывать меня на поединок. Мы немного повздорили, после чего он вытащил злосчастную иголку и медленно разломал ее у меня на глазах. Захотелось мужику на агонию Кощееву, видишь ли, полюбоваться! Пришлось помирать не просто так, а с судорогами, пеной на губах и разными прочими вывертами. Тут Василиса высочила, бросилась ему на шею. Апофеоз торжества добра над злом! — Лютовер снова криво усмехнулся и продолжил: — Иван кликнул Серого, которого приспособил в качестве ездовой собаки, и они рванули через лес так, что только валежник трещал... Вот таким образом я расстался с самой красивой женщиной, которую только приходилось видеть. Так-то, сударыня!

Его вздох буквально резанул меня по сердцу. Значит, Василиса — красавица. А я-то, дура, думала, что ему понравилась! Ничего-то я в людях не понимаю. Слава прав, мое место в тундре, а не в Куршевеле... Но все-таки здесь что-то не так.

— Позвольте, но вы занимались любовью с Василисой практически на глазах у мужа, а он не вышвырнул изменницу из дома и не закопал живой в землю. Почему?

— Потому что она единственный свидетель его подвигов. Кто, кроме Васьки, подтвердит, что все это время он боролся с мировым злом, а не валялся пьяным в соседней канаве? Поверьте, сударыня, подвиг тогда становится подвигом, когда рядом с героем есть оруженосец, который потом расскажет благодарным слушателям о смелости господина. Иначе подвиг — всего лишь акт мужества, не более того. Все слышали про бой Руслана с Головой, так красочно описанный Пушкиным? Но ведь богатырь был там не один, иначе откуда поэт узнал о его подвиге?

— Это фантазия гения.

— Это реальное событие. И Руслан был не один. Если бы за ним не присматривало множество глаз — я имею в виду воронов, лисиц и разное прочее зверье, — он бы подъехал сбоку и перерубил Голове сонную артерию. Эффективно и без всякого риска. Но это не было бы подвигом, а ему хотелось прославиться. Вот он и устроил показательный бой. Вы не представляете, как омерзительно выглядели взлетевшие от порыва ветра человеческие кости и полусгнившие трупы! Кстати, вороны рассказали Арине Родионовне все как было, но она пожалела ребенка и не стала его пугать страшными подробностями. Ну а когда тот вырос, то сам уже хорошо знал все законы пиара, как теперь это называют.

От всего услышанного у меня кружилась голова. Или это было действие вина и черноты глаз моего собеседника? Я смотрела на его губы и бешено завидовала Василисе и прочим там Марьям-красам, которых целовал этот рот.

Серый тихонько встал, подошел ко мне и, лизнув руку, беззвучно исчез за дверью. Воздух в комнате затвердел и зазвенел от напряжения. Лютовер продолжал смотреть мне в глаза, лаская длинными пальцами бокал, из которого отпил не больше половины.

Черт подери, что я делаю? Я не хочу, чтобы потом меня пристраивали обратно в редакцию, заставив Славу бегать по лесам за иголкой, где смерть Кощеева! Я представила своего редактора, притаившегося под кроватью, и истерически захохотала. А из глаз текли слезы.

Это была самая настоящая истерика — реакция на бессонную ночь, страх неведомой дороги и жуткий психологический прессинг. Передо мной сидело исчадие ада, страшное нечто из другого мира, ломающее всех, кто соприкасается с ним...

В начале моей истерики Лютовер вскочил, но так и остался стоять на месте. Наконец я смогла взять себя в руки. Голова стала ясной как никогда.

— Благодарю вас за интересное интервью. Думаю, что с ним не будет никаких проблем. Разворот вам гарантирован. А теперь позвольте откланяться. За окном уже светает.

Бокал в его руке хрустнул, залив ладонь чем-то красным — то ли кровью, то ли вином, но мужчина даже не поморщился. Он смотрел на меня, и я чувствовала, как вокруг бушуют волны черной силы, готовой захлестнуть слабую женщину с головой. Я была как маленький солдат посреди пляски темных смерчей.

И вдруг все стихло. Лютовер улыбнулся и протянул через стол руку:

— Серый превратится в человека примерно через час, и еще пару часов ему надо, чтобы выспаться. Таким образом, до отъезда у вас еще есть время. Вы можете отдохнуть в соседней комнате. Клянусь, вас там никто не потревожит.

Я дотронулась до его горячей руки. Сильная ладонь сжала мои пальцы. Он обвел меня вокруг стола и, поддерживая под руку, проводил в комнату рядом. Там была небольшая софа, покрытая медвежьей шкурой. Почему я сразу поверила, что он не сделает мне ничего плохого, кто знает? Но Лютовер действительно только заботливо укрыл меня мягким шерстяным одеялом и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Мы уже стояли у машины, и тут хозяин валдайских лесов ласково прикоснулся к моей щеке.

— Я не ошибся, пригласив вас сюда. Вы единственная женщина, которая смогла устоять против моего обаяния и моей силы. Я больше не буду вас испытывать. Пообещай-

ФАНТАСТИКА

те только, что примете от меня это кольцо. — На его ладони появился старинный перстень с потрясающим лунным камнем. — Это, выражаясь научным стилем, волшебный артефакт. Если вы когда-нибудь захотите сюда вернуться, коснитесь губами камня. Это вас ни к чему не обязывает. Пожалуйста.

Он положил кольцо на мою ладонь и сжал пальцы в кулак. Я молча кивнула и села в знакомую машину. «Опель» тихо тронулся с места, шурша колесами по палой листве.

Когда я принесла Славе интервью, тот был на седьмом небе от радости, но не преминул попенять, что нет фотографии. Я посоветовала ему прогуляться на Валдай вместо Куршевеля, но он почему-то не захотел. Две недели я ходила по редакции, постоянно слыша шепот за спиной.

Сегодня я положила на стол шефа заявление об увольнении. Слава пришел в ужас, но безропотно подписал. После моей командировки он ни разу не посмел спорить со мной.

Сейчас я сижу дома на диване перед полусобраным чемоданом и смотрю на лунный камень, на котором алеет отпечаток губной помады. И слышу: семью этажами ниже, у подъезда, остановился серебристый «опель». Несомненно, из него вышел мужчина лет сорока пяти — пятидесяти со странными серыми волосами. Вот он открывает дверь парадного, вот подходит к лифту...

Щелкают замки моего чемодана. Возможно, я ступаю на неверный путь, но, куда бы он ни завел, я пройду его до конца.

